

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА

Когда-то, в начале XX века, великий революционный поэт В. Маяковский услышал музыку своего времени и выразил ее в «Левом марше». Век начинался в России под знаком абсолютного доминирования левых политических идеологий. Известный русский религиозный философ С. Франк так описывал умонастроения времени: «Правое» есть жестокость, формализм, человеконенавистничество, высокомерие власти: «левое» — человеколюбие, сочувствие всем «униженным и оскорбленным», чувство достоинства человеческой личности, своей и чужой. Колебаний быть не могло: «у всякого порядочного человека сердце бьется на левой стороне», как сказал Гейне. Ибо, коротко говоря, — «левое» было добро, «правое» — зло»¹.

Феномен «левизны» очень многое объясняет в политической истории России начала XX века. Почему, например, не оказалось реальной альтернативы большевизму? Большевизм был всего лишь одним из течений левого лагеря, а левая политическая тенденция доминировала. А еще Макиавелли подметил, что «поговорка в «золотой середине заключается добродетель» не имеет никакого отношения к политике»².

В политических реалиях того времени это означало, что только крайне левые политические течения имеют шансы на успех. Поэтому-то победа умеренно левых сил над первым натиском большевиков в июле 1917 года могла быть только временной, а торжество левого экстремизма — неизбежным. Вот что писал по этому поводу известный политический публицист того времени А. Изгоев: «Между большевизмом и всеми леворадикальными и социалистическими течениями русской мысли существует тесная, неразрывная связь. Одно влечет за собой другое. Русские социалисты, очутясь у власти, или должны были оставаться простыми, ничего не делающими для осуществления своих идей болтунами, или проделать от «а» до «ижицы» все, что проделали большевики»³.

Иными словами, для своей реализации левая идейная парадигма должна была выдвинуть «идеальных носителей идей» (то есть экстремистов-фанатиков).

И, естественно, «идеальным носителем идеи» выступил Ленин, а не Керенский, Мартов или Плеханов. Тот же Изгоев утверждал: «Под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов... Единственное возражение, которое с этой стороны делалось большевикам, по существу сводилось к уговорам действовать не так быстро, не захватывать всего сразу. Это — не принципиальные возражения, а оговорки трусливого оппортунизма»⁴.

Реальным противовесом большевикам могла бы стать сильная правая тенденция в социально-политической жизни России, но ее не было, точнее, к 1917 году она сошла на нет. Даже гражданская война была, главным образом, борьбой внутри левого лагеря. Это была скорее не война между «красными» и «белыми», а борьба между «красными» и «розовыми». В самом деле, те, кого называли «Демократической контрреволюцией» — эсеры и меньшевики — были «товарищами» для большевиков. Ведущая политическая сила «белого дела» — партия кадетов — в политическом спектре дореволюционной России находилась левее центра, а в гражданской войне правее партии кадетов организованных политических сил не было. Более того, к концу гражданской войны стало ясно, что если и есть альтернатива большевикам, то это — не менее «красный» Кронштадт, разгул «зеленой» крестьянской вольницы, «царь Махно». А эти политические силы еще «левее». Как это ни покажется странным, но военно-политическая победа большевиков приостановила дальнейшее «полевение» России.

Последующий опыт, как нацистской Германии, так и в какой-то мере, сталинского СССР, поставил под вопрос применимость традиционного деления политических сил на «правые» и «левые». Вот как уже упоминавшийся Франк в своей статье «По ту сторону «правого» и «левого» проводил различие между двумя политическими парадигмами: «Прежде всего — чисто философское различие между традиционализмом и рационализмом, между стремлением жить по историческим и религиозным преданиям, по логически не проверяемой традиционной вере и стремлением построить общественный порядок чисто рационально, умышленно планомерно; во-вторых, чисто политическое различие между требованием государственной опеки над общественной жизнью и утверждением свободы и общественного самоопределения (в этом смысле «правый» значит государственный, этатист, сторонник сильной власти, в противоположность «левому» — либералу); и, наконец, чисто социальный признак — позиция, занимаемая в борьбе между высшими привилегированными, богатыми классами, стремящимися сохранить или утвердить свое господство в государстве и обществе, и низшими классами, стремящимися освободиться от подчиненности и занять равное или даже господствующее положение в обществе и государстве»⁵. Выше приведенные критерии деления «правые — левые» характерны для начала века. Но XX

век внес значительные коррективы в критерии деления политических сил и тенденций, причем настолько большие, что сейчас часто говорят о том, что деление на правых и левых устарело. Но это не верно в том плане, что как во всяком общественном явлении, в политике сохранились противоположности, полюса, а значит по-прежнему возможно деление на противостоящие политические парадигмы. Вопрос только в том, что сейчас считать правым, а что — левым.

Судьба правых и левых идеологий в XX веке

"Известный американский политолог И.Валлер-стайн выделяет три модели политики со времен Великой Французской революции: политика консервации существующего («консерваторы», «правые»), политика рациональных реформ («центр», «либералы») и политика ускоренных социальных преобразований («левые», «социалисты» и «коммунисты»). Но уже фашизм и нацизм внесли серьезные поправки в такое деление политических сил. В самом деле можно ли считать фашистское движение Муссолини или наци правыми в традиционной системе координат, то есть сторонниками консервации

существующих порядков? Как раз эти движения несли в себе сильный революционный заряд, и парадокс был в том, что эта революционность своим острием была направлена против левого революционаризма и либерального реформизма. Что касается традиционных консерваторов, то они в XX веке столкнулись со сложной дилеммой: сохранить все (или хотя бы главное) неизменным в социальной жизни, можно было только все изменив. Главная слабость правых и фашистских идеологий в XX веке — это их оборонительный характер, то есть они были всего лишь реакцией на левые идеологии и порой зеркально повторяли их крайне спорную социально-политическую практику. Кстати, первым это заметил еще в 20-е годы Бухарин, когда на одном из партийных съездов заявил, что фашисты, преследуя диаметрально противоположные политические цели, используют политическую тактику коммунистов.

В целом же XX век был эпохой торжества левых и либеральных идеологий; ситуация начинает меняться только на излете века. Опыт показывает, что при условии спора в чисто социально-экономической сфере, левые и либеральные идеологии оказываются привлекательнее правых, но те же леволиберальные концепции не выдерживают конкуренции с правой идеей при внесении в социально-экономические реалии национального и религиозного измерения. Вторая половина века — время ослабления космополитических идеологий (коммунизм и либерализм) и роста влияния идейных доктрин, которые органично включают в себя национально-религиозные ценности. Хотя, по видимости, иногда возникает другое ощущение. Одно время могло показаться, что наступление коммунистической идеологии носит необратимый характер. Всемирно известный борец с «заглотным коммунизмом» А.Солженицын писал в 70-е годы, обращаясь к американскому правительству, что оно ежегодно отдает в руки коммунистов по стране. «Надолго ли хватит стран?» — вопрошал Солженицын. Прошло полтора десятилетия и история дала свой ответ. А на исходе восьмидесятых американский политолог Ф.Фукуяма возвестил о другом неизбежном историческом триумфе — окончательной победе либерально-демократических ценностей западного образца во всем мире и ожидающемся, в связи с этим, «конце истории». Есть все основания считать восторги Фукуямы не более обоснованными, чем опасения Солженицына.

Можно даже предположить, что крах коммунизма "«старого образца» (в целом модель коммунистической идеологии бессмертна, пока в мире будут существовать полюса бедности и богатства) больше всего ударит именно по его «сиамскому близнецу» и в то же время, вечному антагонисту — либерализму. Уже упоминавшийся Валлерстайн пишет: «1989 г. — год не только крушения коммунизма, но и либерализма.»⁶

Анализ общемировых тенденций последних десятилетий показывает, что только идеологии, основанные на национально-религиозном фундаменте, обеспечивают себе

массовую социальную базу и подлинную поддержку, которая выражается не только в поддержке на выборах, но и в готовности жертвовать очень многим, даже жизнью, ради того, во что веришь. Достаточно рассмотреть на какой почве возникали в последнее время (последняя треть века) вооруженные конфликты, приобретающие долговременный и ожесточенный характер, чтобы убедиться в их несводимости к классовым противоречиям или борьбе «тоталитаризма и демократии.» Арабы и Израиль, Иран и Ирак, сербы и хорваты, армяне и азербайджанцы, Индия и Пакистан, тамилы и сингалы Шри Ланки, протестанты и католики Ольстера — этот перечень можно продолжить, но и так ясно, что остроту и непримиримость этим конфликтам придает национально-религиозный фактор. При этом все большую роль играют религиозные различия. Говорящие практически на одном языке, антропологически абсолютно неразличимые южные славяне разделены на три враждебных этноса — сербов, хорватов и мусульман-босняков разными религиями — православием, католицизмом и исламом.

Все это никак не вписывается в то толкование мира, которое предлагают постулаты левых и либеральных идеологов. Можно предположить: исход XX века — это конец победного марша левых и центристских политических идей.

«Быки» и «медведи», или о политических размеживаниях в пост-перестроечной России.

Как уже было сказано, первое, что обращает на себя внимание в традиционном делении на правых и левых — это полное отсутствие национального измерения. Доминирование левых политических идей в России естественным образом вело к преобладанию космополитических тенденций. Верх торжества космополитических идей в России —

коммунистическая революция 1917 года. Однако банкротство левацкой программы коммунизма выявилося очень скоро. Надежды на мировую революцию не оправдались. Это повлекло за собой смену «ле-нинско-троцкистского» коммунизма на госу-дарст-веннический коммунизм Сталина. Однако это не изменило интернациональную суть коммунизма. И ярче всего данный факт проявился в судьбе русского народа в СССР. Формально русская история, русская культура, русский язык легли в основу «со-ветскости». Русский народ стал главной составляющей советского народа. Для Запада слово «русский» стало синонимом слова «советский». В связи

с этим вспоминается библейское изречение: «Тот кто захочет быть первым среди вас, будет вам рабом». Правда, русский народ не рвался быть первым, его сделали первым «интернационалистами». Но последствия для него и впрямь были по библейской поговорке. Не было народа в большей мере принесшего жертвы во имя коммунистической идеи и в меньшей степени от нее что-то получившего, чем русский народ.

Можно утверждать, что именно интернационализм был стержнем коммунизма. Он позволял удерживать воедино Союз, но тот же интернационализм заставлял поддерживать жизнеспособность прожорливой «мировой системы социализма», тратить гигантские средства на поддержку «прогрессивных» режимов в «третьем мире» и вести носившую в чем-то шизоидный характер «холодную войну» с Западом. Вся внутренняя жизнь государства была подчинена мифическим внешним целям. Поэтому, если коммунизм — левая идеология, то ее главная составляющая — интернационализм. Но парадокс в том, что массовый, и в чем-то тоже носивший шизоидный характер, «великий отказ» от коммунизма на рубеже 80-90 годов в России (в отличие от других республик Союза) мало затронул интернациональную составляющую коммунизма. Более того, она как бы даже обрела «второе дыхание» в форме либерального космополитизма. Этот «либеральный интернационализм» выступил в перестройке Горбачева с ее концепциями примата общечеловеческих ценностей над всякими иными, «вхождения в мировую цивилизацию», «общеевропейского дома» и т.д. Интересно, что политические силы, активно поддерживающие перестройку, аттестовали себя как «левых». Все же, кто сомневался в том, что перестройка приведет к чему-то хорошему, объявлялись «правыми».

После распада СССР «силы, выступавшие за перестройку», во вновь образованных республиках оказались в разном положении Украинские, прибалтийские или грузинские «демократы» могли пожинать плоды распада в виде возникновения суверенных государств, и даже снижение жизненного уровня в глазах населения можно было оправдывать уверениями в том, что это — необходимая плата за независимость. В более щекотливом положении очутились «демократические силы» России. Они не могли

гордиться «суверенностью» обрубка исторической России — Российской Федерации. С неизбежностью встал вопрос о судьбах миллионов русских в новых государственных образованиях, власти которых очень быстро забыли свои «демократические» обещания не притеснять русских. К тому же, хотя Россия и объявила себя правопреемником Советского Союза, она, фактически, утратила статус великой державы. Все это не было компенсировано и улучшением качества жизни. Наоборот, абсолютное большинство населения стало жить значительно хуже.

В этой ситуации все «демократы» были вынуждены сменить акценты; они понимали, что удержаться у власти можно только убедив всех, что ты — патриот России. До того времени разруганное слово «патриотизм» вновь реабилитируется. Одновременно все вчерашние «левые» объявляют себя «правыми». В России предпринимается попытка создать правую идеологию, которая морально оправдала бы капитализацию- и вестернизацию страны в том виде, как она была задумана. Эта попытка была обречена на неудачу, ибо она вела к превращению России в «колониальную демократию» латиноамериканского образца. Либеральные демократы, расставшись с левой политической парадигмой, тем не менее не смогли стать правыми. И причина этого в том, о чем писал Бердяев еще в 1905 году, указывая на родовую слабость революционных идей в России,: «Освободительное движение тогда лишь станет сильным и народным, когда монополизует себе национальную идею, когда будет дорожить охраной и защитой России, будет продолжать дело той государственности, которая строила и укрепляла Россию»⁷.

Как «революционный либерализм» справился с идеей строительства и укрепления России, мы имеем возможность убедиться.

В современной России наличествует кризис исторической левой и правой политических традиций и начинает складываться новое политическое деление, которому пока нет адекватного определения. Можно рискнуть дать определение политических полюсов, складывающихся в нашей стране. Для этого возможно использовать популярную сейчас биржевую терминологию. Те, кто на бирже играет на понижение курса называются «медведями» а, те, кто играет на повышение,— «быками». Соответственно можно выделить две политических тенденции в современной России.

Кого можно отнести к «медведям» и что данная политическая тенденция обозначает? Это те политические партии, движения и, соответственно, их лидеры которые делают ставку на полную вестернизацию России и превращение ее в младшего партнера Запада. Спектр этих политических сил весьма широк: от «Демократического Союза».

В.Новодворской до движения Черномырдина*. Особенность этого политического течения — жесткая приверженность строго определенным идейным канонам западного либерализма, например, в экономике — это те или иные варианты монетаризма.

Идейная зашоренность, отсутствие альтернативных подходов, творческих поисков (нет бога, кроме Хаека, а Фридман — пророк его) — очевидно даже некоторым его видным представителям. Вот что пишет «сам» Г.Явлинский: «Способность политических сил внутри себя выдвигать альтернативные варианты развития — признак устойчивости этих сил, а вовсе не слабость. Это убедительно показали противники демократов: после разгрома в октябре 1993 года национально-патриотическая оппозиция уже в декабре сумела вновь получить места в российском парламенте, но через другие политические партии...А у демократов все наоборот... Сложилась парадоксальная ситуация. Коммунисты и близкие им группировки (вопреки учению Ленина) успешно практикуют плюрализм, а демократы стали вдруг самыми горячими приверженцами резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии»⁸.

Почему можно считать, что эти политические силы, что говорится, «играют на понижение»? Потому что, вне зависимости от субъективных намерений своих представителей, данная политическая тенденция объективно ведет ко все большему разложению, унижению и зависимости России. Но отчего же так получается? Почему все западнически ориентированные реформы, которые были призваны ликвидировать отсталость России, приобретали разрушительный характер? Почему либеральные реформы отбрасывают Россию назад, а необходимую задачу модернизации решали жесткие политические режимы? Дело здесь в следующем.

Всякий, кто более или менее знаком с экономической историей России и СССР, вынужден признать, что быстрее экономическое развитие наблюдалось только при авторитаризме в политической сфере**. Причем это не может быть авторитаризм типа латиноамериканских военных хунт (а наши либералы любят Пиночета «странною любовью»), это тот авторитаризм, который вырастает из того, что у нас принято называть почвой. В связи с этим можно вспомнить старую российскую дихотомию — почвенники (они же — славянофилы) и западники. В противостоянии почвенников и западников в российской истории мы видим еще один парадокс. В открытой схватке за власть и влияние в России всегда побеждали западники, но затем они либо перерождались в почвенников, либо в исторически короткие сроки утрачивали плоды своей «победы». И это объясняется тем, что консервативно-почвенная тенденция в России была и будет сильнее, чем реформистски-западническая. Она сильнее, но инертней. Поэтому разрушительные либеральные реформы в России объективно нужны, чтобы разбудить, омолодить, организовать консерваторов, которые, собравшись затем с силами, громили «реформаторов» и начинали давно назревшую

модернизацию. Поэтому-то либерально-демократическая тенденция — тенденция «понижительная»: она играет на «понижение» России, но и сама идет на «понижение». Свидетельство этого — количество «перебежчиков» из либерально-демократического лагеря — в патриотический и коммунистический, и практически полное отсутствие «перебежчиков» в обратном направлении. Западный либерализм в эпохи «реформации» в России играет роль бальзаковской «шагреновой кожи», с ним связывают исполнение всех желаний. Но в отличие от романного прототипа, «шагреновая кожа» российского либерализма сжимается не от исполнения желаний, а по мере их неисполнения.

Однако течения политических «медведей» не ограничивается только либеральными демократами. Другая фракция «медведей» — коммунистический экстремизм, представленный лидером «Трудовой России» и РКРП В.Анпиловым, несгибаемым сталинцем, лидером ВКПБ Н.Андреевой и рядом других имен и соответственно их последователями. Эти движения можно назвать «старокоммунистическими». Их характерная черта — то, что они в упор не желают видеть, что произошел целый ряд необратимых исторических событий, которые в корне меняют положение России в мире, а значит и задачи тех политиков, которым дороги судьбы большинства людей, населяющих страну. Иначе трудно понять и объяснить призывы того же Анпилова во время чеченской кампании в очередной раз «превратить войну империалистическую в гражданскую». То, что либеральные демократы и радикал-коммунисты относятся к одной тенденции, подтверждается и их единодушием в осуждении действий по ликвидации криминального режима Дудаева. Объективно эта тенденция — продолжение традиции политической «левизны», благодаря которой Россия, по словам Солженицына, «жестоко проиграла XX век».

Анализ политической тенденции, представленной «быками», следует начать с тех сил, которые можно было бы назвать «неокоммунистическими». Это, в первую очередь, — КП РФ во главе с Г.Зюгановым. Название «неокоммунизм» — условное, так как в реальности, перефразируя классика, можно сказать о «коренном изменении точки зрения коммунистов на коммунизм».

Чтобы проиллюстрировать это утверждение, обратимся к последней книге Г. Зюганова «Россия и современный мир» (написана на основе его докторской диссертации по философии). Зюганов начинает с того, что говорит о необходимости выработки идеологии, отвечающей современным реалиям и вызовам, перед которыми оказалась Россия. Среди истоков, к которым нужно обратиться для выработки такой идеологии, он, кроме Маркса и Ленина, называет отечественных мыслителей «консервативно-охранительного направления — Н.Данилевского и К.Леонтьева. Говоря о вкладе Данилевского в мировую и отечественную общественную мысль, Зюганов

пишет: «В своей знаменитой книге «Россия и Европа» Данилевский подверг критике главный эволюционистский принцип исторической науки, предполагающий последовательное, прогрессирующее развитие человечества от низших культурных форм к высшим»⁹.

Но если отказаться от «эволюционистского принципа исторической науки», то от того, что всегда считали марксизмом-ленинизмом, мало что остается. И в дальнейшем изложении автор однозначно делает выбор между Марксом и Данилевским в пользу Данилевского.

Особое внимание глава КП РФ уделяет проблемам геополитики. И под многими его утверждениями с удовольствием подписались бы представители совсем не коммунистических идейно-политических течений, такие, например, как авторы журнала «Элементы. Евразийское обозрение». Судите сами: «С точки зрения геополитической, Россия — стержень и главная опора евразийского континентального блока, интересы которого противостоят гегемонистским тенденциям «океанической державы» США и атлантического большого пространства»¹⁰.

И наконец, как понимает главный вызов эпохи лидер КП РФ? Это отнюдь не вызов, брошенный капиталом наемному труду. «По всему пространству бывшего СССР главное противоречие состоит не в антагонизме между основными классами и социальными слоями, а между правящими режимами, опирающимся на узкий слой либо компрадорской, либо националистической «ворократии», стремящейся к слову евразийской цивилизации в лице России, и остальным населением.»¹¹

И это не просто декларации, а часть политической программы, проявляющейся уже в конкретных

действиях «неокоммунистов». Интересно рассмотреть в этом плане прошедий летом этого года ХХХ съезд КПСС, на котором были представлены все основные фракции коммунистического движения в России и республиках СНГ. На съезде развернулся ожесточенный идейный спор между «нео»- и «старо»-коммунистами. Со стороны ортодоксов прозвучала резкая критика выступления бывшего «человека номер два» в политбюро ЦК КПСС времен начала перестройки и главного противника радикализации горбачевской перестройки, запомнившегося всем своим изречением: «Прежде чем зайти, подумай как выйти», Е.Лигачева. «Им не понравилось признание за частной

собственностью и частным собственником права на существование. Напрасно Егор Кузьмич пытался втолковать, что «если ликвидировать частный сектор, то появятся миллионы безработных... Не подействовал на радикальных коммунистов и тот аргумент, что «буржуазия озабочена развитием экономики, недовольна налоговой политикой правительства, вторжением иностранного капитала, исходя из чего новая программа требует от коммунистов вести совместно с буржуазией «борьбу за подъем производства, экономическую интеграцию республик»¹². Может показаться, что это — результат перехода большей части коммунистов на позиции социал-демократов, но проанализировав содержание идейного фундамента этого «поправения», приходишь к выводу, что с социал-демократизмом западного типа (как это, в частности, показывает программная книга Зюганова) такой поворот «вправо» имеет мало общего.

Каково соотношение «старых» и «новых» фракций в коммунистическом движении? Явно преобладают «новые коммунисты». КП РФ — это крупнейшая политическая партия России, свыше 500 тыс. членов, мощная и сплоченная думская фракция, свыше 100 газет и бюллетеней и даже свои «красные» банкиры (вроде Семаго). Особенно сильно влияние КП РФ в регионах. Интересный и знаменательный факт экстравагантный президент Калмыкии К.Илюмжинов, мечтающий стать ханом Калмыкии в составе возрожденной Российской империи, фактически запретил деятельность всех политических партий на территории своей республики, кроме одной — КП РФ. Впрочем, на декабрьских выборах 1993 года большинство населения Калмыкии, как и ряда других регионов России, проголосовало все же за ЛДПР.

ЛДПР также относится к политической тенденции «быков». Феномен ЛДПР (по настоящему еще не осмысленный) многое раскрывает в загадке того, как западные идейные коды «раскодируются» в России и как Россия «переваривает» те идеологии, которые должны были бы «переварить» ее. В традиционной политической классификации ЛДПР — правая партия. Ее программа как будто списана с аналогичных документов западных либеральных партий. В то же время в реальной политической жизни мы видим совсем другую ЛДПР. Это — партия государственников, выступающая с жестких антизападных (а значит и антилиберальных) позиций по всем вопросам внутренней и внешней политики. Жириновскому даже пытаются приклеить ярлык «фашиста». Было бы слишком просто объяснить явление ЛДПР тем, что фашисты прикрылись либеральной программой, чтобы обмануть неискушенных избирателей. Нет, это не так, хотя бы потому, что либерально-демократические идеи, за исключением краткого периода массовой политической шизофрении конца 80-х начала 90-х годов, никогда не имели в России широкой поддержки. Здесь мы имеем то, что, используя слова революционного поэта, можно назвать политической «безъязы-костью». Нет пока адекватных понятий в арсенале политической науки, чтобы классифицировать ЛДПР (как и некоторые схожие с ней, но более мелкие партии). Жириновский-представитель тех сил, которые выступают за модернизацию России. Модернизаторская, обновленческая направленность политической программы Жириновского — его самый

сильный козырь, выгодно отличающий его от той части «патриархальной» патриотической оппозиции, которая зациклилась на идее возрождения «России, которую мы потеряли». Конечно, Россия до 1917 года во многом может быть идеалом, но сейчас брать ее за образец — бесплодное занятие. И дело не только в том, что та Россия все же была очень тяжело больна (поскольку она рухнула буквально в несколько дней). Жириновский, пожалуй, первым осознал то, с чем не могут примириться «белые» наших дней: советский период российской истории, со всем его тоталитаризмом, невозможно вычеркнуть из истории, а вычеркнув его, мы вычеркнем и Россию. Модернизацию страны необходимо вести, опираясь и на дореволюционное, и на советское прошлое, но преобладать все же будет наследие советской эпохи, так как «вышли мы все из совковости». Именно это — чувство времени — и сделало ЛДПР более привлекательной, чем «традиционных» патриотов. Это хорошо подметил такой яростный критик Жириновского, как Э.Лимонов. Вот, что он писал в своей книге «Лимонов против Жириновского.»: «Сталинизм ГУЛАГА (в лучшем случае общество «кубанских казаков» (или общественный строй опер «Хованщина» или «Жизнь за царя») — вот какой представляется оппозиция и ее социальные идеалы избирателям, голосовавшим за Ельцина. Можно было бы наплевать на мнение обывателя, если бы он не был еще и избирателем. Так как он имеет избирательную силу, то нам не должно быть безразличным, какими он нас видит. А он видит нас несовременными, более того, врагами и гонителями современности. Единственное достоинство нашего политического противника, режима демокапитализма — это современность. Следует признать, что не имея на счету ни единой победы, потеряв территории, разрушив государство, наш противник преуспел в навязывании обществу своей идентификации с современностью.

Современность вообще-то не принадлежит никому из политиков. Нельзя отдавать современность ИМ. А именно это делает оппозиция»¹³.

Жириновский же выбивал из рук «демокапитализма» главный козырь — Современность. Он смотрелся не менее современно, чем Гайдар. Жириновский — сторонник модернизации и капитализации, но без создающей зависимость вестернизации. Капитализация же понимается как заимствование социальных и экономических технологий, способных поднять экономику, но не создать в России общество западного типа. Идеология подобная той, которую пытается выработать ЛДПР, имела много «интуитивных» сторонников уже в период «застоя» в СССР. Это те, кто понимал, что в обществе всегда будут богатые и бедные, или начальники и подчиненные, но хотел, чтобы это не вуалировалось болтовней о социальной справедливости (как сейчас — о «народном капитализме»). Они же желали, чтобы была честная конкуренция, выделяющая самых талантливых и работающих но в то же время стихийно приходили к выводу, что при нормальной организации общества Россия, как невероятно богатая страна, может обеспечить тех, кому не повезет в борьбе за место под солнцем, не хуже, чем «низший класс» на Западе. Такие настроения были распространены среди значительной части молодежи 70-80 годов. Это умонастроение

хорошо выразил в своем романе «Аквариум» В.Суворов, говоря от имени спецназовца ГРУ о том, что он бы сделал в стране, если бы у него была власть: «Не всех убивать, конечно, будем. Не всех. Если у кого дача большая, да машина длинная тех не тронем... Тех, кто о социальной справедливости говорит, мы тоже не тронем...Убивать мы только тех будем, кто эти две вещи воедино объединяет: кто о социальной справедливости болтает, да на длинной машине ездит. От них все беды на нашу землю сыпятся».

Ельцинско-гайдаровские реформы, проводившиеся по рецептам Международного Валютного Фонда, привели к созданию «номенклатурного капитализма». Это во многом обмануло ожидания тех, кто уже расстался с советским прошлым, но вдруг обнаружил, что и в новой жизни ему достойного места нет. Эти люди и составили массовую опору ЛДПР и ряда подобных ей по политической и социально-экономической ориентации партий (например НРПР Н.Лысенко). Выработка идеологии этого политического течения еще только идет. Доминирует в нем ЛДПР и Жириновский, но не исключено, что появится другая организация и другой лидер, более отвечающий задачам следующего этапа политической борьбы в стране***.

В стране политическая тенденция «быков» на подъеме. И то, что внутри этой тенденции идет острая борьба между партиями и лидерами (КП РФ соперничает с ЛДПР, Баркашков критикует Жириновского. Жириновский ругает всех и т.д.) не должно вводить в заблуждение. Внутри «левой» тенденции в начале XX века тоже не было единства, но ее победа была предрешена. А сейчас в России набирает силу «правый марш». Видимо, и на больших исторических дистанциях верно утверждение о том, «что поворот направо начинается с левой ноги». Можно только сделать предположение о том, что решающим для победы «быков» в политической борьбе будет нахождение исторического компромисса между сторонниками КП РФ и ее влиятельными союзниками (например АПР) и теми политическими силами, наиболее значительным представителями которых (пока) является ЛДПР****.

Основой здесь может быть общая цель. Отсутствие общенациональной цели сейчас осознается всеми в России как главный дефицит. Какова может быть эта цель? Эта цель — глобальный исторический РЕВАНШ по типу того, который сумели реализовать послевоенные Япония и Германия. Русский народ всегда выбирался из кризисов только ведомый идеей. Такой идеей в обозримом будущем может стать идея реванша. Из нынешнего униженного положения России есть только два пути — окончательное «опущение» в «третий мир» или быстрый рывок вперед. Когда-то канцлер послевоенной Германии К.Аденауэр, обращаясь к немцам, был вынужден сказать: «Терпение — главное оружие побежденных». А через полвека другой канцлер — Г.Коль обратился к немцам со словами: «Мы живем на солнечной стороне истории». У России есть все предпосылки проделать этот путь в более короткие сроки, но для этого нужно играть

на «повышение»****. Разбитые армии либо хорошо учатся, либо должны сдаваться в плен. Нам выбирать.

* Хотя в "НДР" наблюдаются и другие течения. Достаточно проанализировать позиции таких участников блока, как Н. Михалков. Л Рохлин, К. Илюмжинов.

** Это признают даже ярые приверженцы либеральных ценностей. Так, известный либеральный политолог А. Янов считает, что в России, в отличие от гидравлических цивилизаций Востока", вмешательство государства в экономический процесс было связано не с примитивностью, а наоборот, со сложностью этого процесса, и чем более он усложнялся, тем активнее государство его регулировало.

*** Не исключено, что политическую нишу, занимаемую сейчас ЛДПР, может попытаться занять Конгресс Русских Общин, а место Жириновского — Лебедь.

**** Возможный союз (пусть и чисто ситуационный) коммунистов, переосмысливающих опыт XX века, и традиционных правых в принципе возможен не только в России. Подтверждение тому — современная Франция. Политической сенсацией стали там взаимные реверансы правого президента Жака Ширака и нового лидера французских коммунистов Робера Ю. При этом у них один общий противник — французские социалисты.

***** Интересно, что многие политические аналитики либеральной ориентации считают, что даже США не будут слишком активно противодействовать тенденции, олицетворяемой Зюгановым и Жириновским. Вот что пишет один из них: "Американцы не горят желанием возобновлять противостояние с Россией. "Холодная война" выжала соки из них. Если и появится у руля в Кремле экстремист, США вряд ли поспешит ругаться с ним. Главное, чтобы экстремист не превратился в агрессора. А то, что он внутри России "закрутит гайки", так это Вашингтон будет только приветствовать. Ведь хаотичная, плохо управляемая Россия вызывает у США и их союзников растущее беспокойство".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. С.Франк. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. — 1990. — №4, с. 226.
2. Цит. по: Ф.Бурлацкий. Загадка и урок Никколо Макиавелли. — М., 1977, с. 64.
3. Из глубины. Сборник статей о русской революции. — М., 1990, с. 153.
4. Там же, с.152.
5. С.Франк. По ту сторону «правого» и «левого». // Новый мир. — 1990. — №4, с. 228.
6. И.Валлерстайн. Кто исключает кого? Или коллапс либерализма и дилеммы антисистемной стратегии // Рубежи. — 1995. — № 2, с. 65.

7. Н.Бердяев. О русском национальном сознании // Совершенно секретно. — 1989. —№ 3, с. 14.

8. Г.Явлинский. В расколе демократов трагедии нет // Известия, 12 июля 1995 г.

9. Г.Зюганов. Россия и современный мир. — М., 1995, с. 16.

10. Там же, с.20.

11. Там же, с.23.

12. В.Хамраев. Союз компартий КПСС провел XXX съезд КПСС // Сегодня, 4 июля 1995 г.

13. Э.Лимонов. Лимонов против Жириновского. — М., 1994, с. 127.

14. Е.Бажанов. Москва и Вашингтон: после «медового месяца». Разрыва не произойдет даже в случае прихода к власти Зюганова или Жириновского. // Сегодня, 8 сентября 1995 г.